

УДК 89

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-122-130

Татьяна Максаровна Дугаржапова¹,

доктор филологических наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: tatiyanamaksarovna@yandex.ru

Эржена Сергеевна Александрова²,

аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: tatiyanamaksarovna@yandex.ru

Функции сравнений в художественном тексте (на материале текста памятника «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») Э.-Х. Галшиева)

Целью исследования является выявление литературно-художественных особенностей произведения дореволюционной бурятской литературы, осуществление анализа разнообразных аспектов использования различных понятий, некоторых сравнений и образов в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. Актуальность исследования обусловлена неизученностью литературного наследия бурятского автора Э.-Х. Галшиева, важностью анализа традиционных этико-дидактических сочинений поучительного характера. В работе впервые предпринят анализ сравнений, которые по частоте употребления и разнообразию являются самым значимым образно-выразительным средством в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. В стихах детство, юность, зрелость и старость человека сравниваются с сезонами года. Подобная символика вообще характерна для стихов монголоязычных авторов. Э.-Х. Галшиев неожиданно и оригинально сумел уподобить некоторые черты характера человека определённым животным. Когда автор хочет показать могущество и власть, силу и мужественность, он прибегает к образам слона, льва. Птица в стихах – это символ трусости, жадности, неискренности. Установлено, что особенно типичны для текста памятника «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») сравнения, созданные путём поэтического приёма (метрического средства) – параллелизма. При этом отмечено, что сила сравнения как бы удваивается при противопоставлении, усиливая назидательный характер стиха.

Ключевые слова: назидательный характер стиха, образно-выразительные средства, понятия и образы, символ, народно-поэтические типы сравнений, сравнительные конструкции, поэтический приём, метрическое средство – параллелизм, философский подтекст

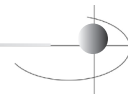
Введение. В памятнике бурятской дореволюционной литературы «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») значительную группу изобразительных средств составляют компаративные тропы – сравнения. Сравнения по частоте употребления и разнообразию являются самым значимым образно-выразительным средством в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева.

Л. Н. Толстой писал: «Сравнение – одно из естественнейших и действительнейших средств для описания, но необходимо, чтобы оно было верно и уместно, иначе оно действует противоположно» [8, с. 6]. В лингвистике и литературоведении довольно много написано о сравнении, но выразительная роль сравнения как средства образности освещена недостаточно полно. Обычно ссылаются на высказывание Л. Н. Толстого: «Сравнение употребляется или чтобы, сравнивая

худшую вещь с лучшей, показать, как хороша описываемая вещь с обыкновенной, чтобы дать о ней ясное понятие» [8, с. 8]. Или различие сравнения от метафоры выражается обоснованностью сопоставления явлений действительности и «сознанием раздельности сравниваемых представлений» [3, с. 87]. Образная природа сравнений состоит в сопоставлении одного предмета или явления с другим, то есть с подобным сопоставляемому некоторыми свойствами. Б. В. Томашевский выделял в сравнении следующие три основы: то, что сравнивается, или «предмет»; то с чем сравнивается, или «образ»; то на основании чего сравнивается одно с другим, или просто «признак». Например, в образном выражении «лицо белое, как снег»: лицо – «предмет», снег – «образ», а признак, на основании которого сближаются эти понятия, – белизна (белое) [9, с. 204].

¹ Т. М. Дугаржапова – оформление материала статьи.

² Э. С. Александрова – сбор и анализ материала статьи.

Сравнение как средство конкретизации качества предмета или явления выступает, сохраняя своё значение, лишь в авторском контексте. Наиболее важным признаком удачного использования сравнения является то, что писатель сумел образно отразить совершенно новую сторону предмета или явления. То есть «...оригинальный оборот хорош только тогда, когда в нём выражено что-то заново открытое в человеке и в жизни» [10, с. 82]. Функции сравнений весьма разнообразны. Сравнения в бурятском языке выражаются посредством оборотов с различными послелогом (шэнги, мэтэ, шэнээн, тухай, адли), посредством суффиксов -дал, -л, орудным и исходными падежами. Своеобразие писателей в этом плане сводится к преимущественному использованию тех или иных видов выражения сравнений. Признаком удачного использования сравнения считается элемент неожиданности, новизны [12, с. 88].

На наш взгляд, этому требованию полностью отвечают сравнения из назидательных речений Э.-Х. Галшиева. Особенно типично для текста памятника «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») сравнения, созданные путём поэтического приёма/метрического средства – параллелизма [1, с. 102]. При этом заметим, что сила сравнения как бы удваивается при противопоставлении, усиливая назидательный характер стиха.

Методология и методы исследования. Поставленные в работе задачи предопределили использование исторического, литературного, художественно-эстетического, описательно-аналитического методов исследования, а также семантико-стилистического анализа художественного текста и поэтики в целом.

Результаты исследования и их обсуждение. Для представления о разнообразии аспектов использования различных понятий проанализируем некоторые сравнения и образы из назидательных речений Э.-Х. Галшиева.

В стихах Э.-Х. Галшиева детство, юность, зрелость и старость человека сравниваются с сезонами года (осенью и зимой, весной и летом). Подобная символика вообще характерна для стихов монголоязычных авторов. Например:

Зунай сагта булжамуур мэтэ
Эртэ бодогты.
Хунэй энэ наһанай ута
Убэлэй удэр мэтэ

[4, с. 6]*.

(Знаком * отмечены четверостишия из книги Э.-Х. Галшиева *Зерцало мудрости* разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2006. 183 с.).

(Вставайте рано, / Как жаворонок в летнюю пору. / Данный возраст человека так же продолжителен, / как зимний день).

Автор в одном четверостишии, оригинально используя характерные особенности времён года («лето» – «зима»), сумел не только сопоставить, во-первых, человека с птицей – жаворонком «...булжамуур мэтэ», во-вторых, с продолжительностью зимнего дня «...убэлэй удэр мэтэ», но и даёт ответ на вопрос: «Почему надо вставать рано, как жаворонок в летнюю пору?» – Потому что жизнь человека на этой земле коротка, подобно зимнему дню. Также в следующих строках автор использует традиционные образы, встречающиеся уже в устной поэзии монгольских народов: «Намар – урэ тумһэ эдлэхэ саг; хабар – газар хахалха саг» (Осень – время собирать плоды, а весна – время пахать землю):

Эрдэмэй алиндашье хураа хаа,
Наһанай залуу уедэ хура.
Намар гээшэ урэ тумэ эдлэхэ саг мун,
Газар хахалха саг хадаа хабар юм

[4, с. 40]*.

(Какой бы наукой ни овладевал, / учиться в пору молодости. / Знай, что осень – время собирать клубни, плоды, / а весна – время пахать землю).

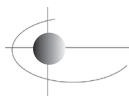
Осень, по Э.-Х. Галшиеву, – знак законченного, время подведения итога: «Намар гээшэ урэ тумһэ эдлэхэ саг мун», а весна ассоциируется с началом обновления. Тут уместно вспомнить стихи выдающегося бурятского поэта Дондока Улзытуева: «Уершье, туймэршье...» (И половодье, и пожар...), где все противоположности переходят друг в друга: «Ухэлшье, зоболоншье, жаргалшье» (И смерть, и страдание, и счастье), и четыре времени года: «намар, убэл, хабар, зун» (и осень, и зима, и весна, и лето). Тут детали пейзажа служат для понимания сути мироздания [5, с. 75]. Весьма неожиданно сопоставляются понятия: соблюдения чистоты в доме, во дворе с «чистотой человеческого лица»:

Орон хашаа, гэр байшангуудые
Оорын нюур мэтэ сэбэрлэ.
Арюун сэбэр байгаа хаа,
Арбан зугэй хунууд ерэжэ эдээ эдихэ

[4, с. 6]*.

(Следите за чистотой во дворе и ограде, в юрте и доме, / Словно за чистотой своего лица. / Если будет порядок и чистота, люди всех десяти сторон света / найдут к тебе и отдадут кушанья).

Используя данное сравнение, автор даёт понять читателю, что *содержание порядка и*

чистоты в доме имеет важное значение для хозяина дома. А если хозяин дома будет не только чистоплотен, но и гостеприимен, то близкие друзья никогда не будут обходить стороной его дом. У такого радушного хозяина дом будет не только полон гостями, но его будут окружать много чутких, отзывчивых и верных друзей, которые всегда могут прийти на помощь.

Далее автор неожиданно и оригинально сумел уподобить некоторые черты характера или поступки (хорошие или плохие) человека определённым животным. Так, добрый человек напоминает безвинную косулю:

Минии сэдхэл хайн гэжэ нэрэмжэгүй бу нуу.
Гэм угы, убһоор хооллодог гурооһэнүүдые
Хилэнсэтэй ангуушанай шархатуулха үзэгдэдэг
[4, с. 49]*.

(Думая, что имеешь доброе сердце, / не сиди без предосторожности. / Бывает, грешные охотники ранят / питающихся травами безвинных косуль).

Автор считает, что человек, знающий суть обсуждаемого вопроса, подобен лошади, знающей дорогу:

Тэрэшэлэн зублэлэй газарта ошохо сагтаашье
Гансаараа угуулэн байжа тэрэ удхые шудала.
Хурэхэ газараа урдань үзэһэн морин мэтэ
Суглагшадай газарта ажаг нэжэггүй угуулхэ болохо
[4, с. 45]*.

(Подобным же образом изучай и производи вслух обсуждаемую идею, / когда отправляешься к месту обсуждения. / На месте сбора ты сможешь высказываться без колебаний и сомнений, / подобно лошади, знающей дорогу до места остановки).

Когда автор хочет показать могущество и власть, силу и мужественность, он прибегает к образам слона, льва.

Так, например, особенно часто в речениях *слон* выступает в образах, как бессмысленно грубая физическая сила:

Бэеын хусэн заан мэтэ ехэ болобошье,
Тэрээгээ ехэ бу омогшо.
Баатарай эди ехэдээ омогшолго хадаа
Имагта тэнэгүүдэй еһон мун
[4, с. 54]*.

(Хотя обладаешь огромной, как у слона, физической силой, / чрезмерно не гордись ею. / Хвастаться своей огромной богатырской силой – / признак только глупцов).

Или слон – глупость:

нэримжэггүй мунайдаар
Оорын зоргоор хэзээшье бу яба.
Галзуу заан мэтэ ябаа хаа,
Оорыгоо, угышье бусадые гэмтээхэ
[4, с. 48]*.

(С бессознательной грубостью, собственным нахальством / не действуй никогда. / Если будешь поступать, как обезумевший слон, / ты повредишь либо себе, либо другим).

Далее слон – могущество:

Алинда али зохисотой угэлигые
Энэ наһанай туладашье угэ.
Хусээр дуурэнуудыешье
Ойн доторхи зэрлиг заан мэтэ эрхэдээ хуряаха
[4, с. 129]*.

(Даже ради настоящей жизни / подай любому подходящую милостыню. / Такой человек, подобно обитающему в лесу дикому слону, / подчинит своей воле даже сильных).

Образ льва в речениях выступает как символ *мужественности*:

Оорынгоо гэртэ нууха сагтаа
Эрэлхэгээр дуугаржа бу омогшо
Гэргэнэйнгээ дэргэдэ арсалан мэтэ эрэлхэ-
гээр аашалдаг гээшэ адаг эрын еһон мун
[4, с. 97]*.

(Когда сидишь в своём доме, / не хранись, высказываясь мужественно. / Показывать перед женой / себя мужественным, как лев, – привычка последнего мужчины).

Или лев – символ осмотрительности:

Ехэ, бага алишье хэрэг бутуобэл,
Баһамжалангуй, хинажа бутуо.
Арсалан туулайе алахадаашье,
Хима даг гэжэ зон хэлсэдэг
[4, с. 59]*.

(Любое дело – большое или малое – / осуществляй обычно без пренебрежения, проверяя свои действия, / Люди говорят, что лев осмотрителен, / даже когда давит зайца).

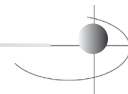
Заметим, что автор, употребляя эти образы в различных вариантах (слон – сила, слон – могущество и власть, слон – глупость), хотел показать, что хотя и есть *сила* у тебя, но она *без ума* ничего не значит. Птица в стихах – это символ трусости, жадности, неискренности. Например, *таково описание пугливого человека*:

Хэрэгтээ уйлэдэ дурадхаа хаань,
Шубуун мэтэ тэрээнһээ бу зайла,
Хэлэһэн бүгэдые дуулахагуй гээшэ хаань
Умхирһэн модон шэнгээр бүгэдэ орхихо
[4, с. 58]*.

(Если предлагают нужное дело, то, словно пугливая птица, не избегай его. / Если ты не будешь прислушиваться ко всему сказанному, / то все отвернутся от тебя, как от трухлявого дерева).

Описание-сравнение подлого человека:

Бусадай найхан бэшые соносохо уедоо
Оорыгоо магтуулһан мэтэ баясан бу яба.
Хунэй гэмтэмсээр баясаха гээшэ хаа

Хунэй хуур эдигшэ тас шубуун мэтэ болохо
[4, с. 122]*.

(В то время, когда услышишь о дурной славе других, / не радуйся, будто похвалили тебя. / Кто радуется падению других, / тот уподобится грифу, питающемуся человеческим трупом).

Сравнение жадного человека:

Эдээн ба хубсаһа хайрлажа,
Гутатар бу хадагала,
Тэрэ хадаа буладаг хуби муутай хирээгэй зан мун
[4, с. 17]*.

(Пожалев, не храни до порчи продукты и одежду. / Это нрав несчастной вороны, которая, хотя и голодает, но всё прячет от себя).

Сравнение для молчаливого человека:

Алишь хэрэгтэ оролдоо хаа,
Хэрбээ тэрэшни бутуошьегуй хаа,
Бусадай энеэдэн болохогуй
[4, с. 59]*.

(Над каким бы делом ни усердствовал, / делай его без шума, как кулик. / Если оно не осуществится, / не будешь осмеян другими).

Гусь, согласно речениям Галшиева, настолько мудр, что из смеси молока и воды извлекает молоко, оставляя только воду:

Галуунай уһанһаа һу абадаг хэрэгтээ оролдо.
Хэрэмдэ абирһан хорхой мэтэ
Хэрэгуй уйлэдэ оролдоо хаа,
Сусахын шалтагаан мун
[4, с. 57]*.

(Усердствуй над важными делами, / подобно тому, как гусь извлекает молоко из смеси молока и воды. / Если, подобно – лезущему на крепостную стену червю, / будешь усердствовать над бесплодными делами, / испытаешь только изнурение).

Заметим, что образ *мудрого гуся* Э.-Х. Галшиева напоминает образ *мудрого лебедя*, используемого известным поэтом индийского средневековья Тулси Дасом (Tulsi Das, 1532–1624) [2, с. 15]. Пример для сравнения:

Пороков, недостатков воду, доблестей всех молоко,
Смешав, создатель мир наш создал; смесь далась ему легко.

Брат лебедь в озере чудесном в солнечном роду у нас:

Родившись в нём, он разделяет доблесть и порок всяк час.

Добыв всё молоко достоинств, бросил воду он порок. (А. 232, 3–4).

Добрый добродетель, словно лебедь молоко, сам извлечёт, порок оставив, воду. (Д. 2).

Сравним тот же мотив в стихах монгольского поэта Дул-дуйтын Равджи (1803–1856):

Если волка и овцу в одной кормушке
Сможешь напоить – это искусство.

Если сможешь отделить молоко от воды – это мудрость

[6, с. 242].

Вышеприведённые образцы дают возможность говорить о том, что под влиянием индийской поэзии сложилась у монгольских народов символика птиц: гуся, лебедя, вороны, коршуна, грифа. Так, в наставлениях Э.-Х. Галшиева *гусь олицетворяет мудрость* и противопоставляется хищным птицам.

Человека, дающего обещание сделать другим людям много дел, автор уподобляет шелкопряду, «опутавшему самого себя»:

Бэлэхэн болбошье, олон зуйлэй хэрэгүүдые бутуохэе

Бусадта угоо бу угэ.
Тэрэ хадаа торгоной хорхой мэтэ
Оорын угоор оорыгоо хулихэ болон

[4, с. 57]*.

(Не давай другим обещание / сделать множество различных дел, хотя бы из лёгких. / Этим ты своими же словами опутаешь, / как шелкопряд, самого себя).

Здесь уместно отметить, что для японской поэзии «находящийся в коконе шелко-вичный червь» стал символом одиночества:

Мать, завернувшая кокон,
Тоскует по сыну.
Грустно и мне
Не встречаться
С тобой

[7, с. 115].

То есть данным назидательным выражением автор предупреждает читателя о том, что человек, обещавший людям «многое», может оказаться в роли шелко-вичного червя и в одиночестве «сидеть в шелко-вичном коконе». Собака в речениях Э.-Х. Галшиева олицетворяет *высокомерие, лицемерие*, а также ненасытного человека, например ненасытного человека – *обжору*:

Олдоһон бухэниие хугшэн нохой мэтэ
Шэнжэлэл угы бу эди.
Амтан ба шадалаараа зохилдохогуйе найруулаа хаа,
Эмшье хорон болохо

[4, с. 19]*.

(Не ешь, как старая собака, / всё, что попадётся, не прожёвывая. / Лекарство приносит пользу, но можешь им отравиться, / если проглотить каждое увиденное).

Сравнение для высокомерного человека:

Тэрэшлэн бусадай богоол байха сагтаа
Омог дээрэлхые холо тэбшэ.
Садатараа эдихэн хугшэн нохой гэжэ
Хун бухэн муушалха

[4, с. 115]*.

(Также, когда работаешь батраком у других, / подальше отбрось своё гордое высокомерие. / Иначе всеми будешь презираем, / как старая зажавшаяся собака).

Сравнение для *глупого человека*:

Шадал багатай доодошуулые
Оорынгоо хусэ, эди гаргахын тулада бу зобоо.
Тэрэ хадаа хунэй хэлээр дуугарбашье,
Хоер хултэй хугшэн нохой мун

[4, с. 115]*.

(Не губи слабосильных низших, / чтобы показать свою мощь. / Иначе ты – старая собака на двух ногах, хотя говоришь человеческим языком).

Сравнение для *злого человека*:

Адха хусэн ба буян тугэлдэрнуудэй нур жабхаланда

Сухалдан бу муушала.

Барижа шадахагуй байхадаа

Муу нохойнуудай хойнооо хусадагта адли болохо

[4, с. 115]*.

(Гневаясь на величие людей, исполненных могущества добродетели, / не охаивай их. / Это будет подобно запоздалому лаю плохих собак, / когда они уже не могут догнать убегающего).

Сравнение для *неблагодарного человека*:

Улэсхэ уедэш нэгэ умхэ эдээ угэһэниешье
Ухэхэ хурэтэроо бу марта.

Тэрэниие мартаа хаа, нохойһоошье доро гэшэ,
Нохойшье эдихэн хойноо һуулээ шарбадаг

[4, с. 129]*.

(До смерти не забывай о том, что другие подали тебе / один кусок пищи, когда ты был голоден. / Если забудешь об этом, станешь хуже даже собаки: ведь собака, слизав пищу, виляет хвостом).

Маленьких детей всё время автор уподобляет хищному животному, особенно *тарбагану*. При этом в мелодике стиха чувствуется особая нежность, ласковость:

Бишыхан нялхануудта мяхан ба оохэн мэтые
Ехээр бу эдюулэ.

Талхаар тэжээгээ хаа,

Зэрлиг амитан мэтэ хаанаһаашье амидарал олоходоо бэлэн байха

[4, с. 43]*.

(Строго запрещай давать малолетнему ребёнку / много мяса, жира и тому подобного. / Если вырастить на хлебе, / он легко найдёт себе, подобно животному, пропитание).

Далее при помощи сравнения автор предупреждает, что *обильное употребление еды не только перед сном, но и рано утром подобно принятию одного яда за другим*:

Хэрбээ хэбтэхын сагта эдээ хаа,
Углоо эртэ эдээ бу эди.
Хэбтэхэ бодохо хоюуландань эдээ хаа,
Хороной дээрэ хоро эдихэн мэтэ болохо

[4, с. 18]*.

(Если поел перед сном, / то на следующий день рано утром / не принимай пищу. / Есть, ложась спать и вставая, равносильно проглатыванию одного яда за другим).

По Э.-Х. Галшиеву, *знания приравниваются к самому большому богатству*:

Хари уладай эрдэм ухаануудые
Тэдэнэ эдынь мэтэ бэшэржэ аба.

Бусадай ухаае мэдээгуй хаа,

Хэзээ нэгэндэ бусадай эрхэ доро орхо

[4, с. 43]*.

(С почтением заимствуй знания у других народов, приравнивая их к богатству. / Если у других не учиться науке, / то когда-нибудь попадёшь под чужую зависимость).

Большинство назидательных речений содержит в себе сургалы, то есть поучения или наставления. Например, согласно речениям, надо научить маленьких детей тому, как принимать «хорошее» и отказаться от «плохого», ведь они подобны слепым, хотя и наделены разумом:

Оорынгоо багахан хуугэдтэшье
Зуб ба буруе абаха, орхихыень ойлгуула.

Тэрэ хадаа абаха, орхихые мэдээгуй хаа

Ухаатайшье болбол нохор мэтэ мун

[4, с. 41]*.

(Своих малолетних детей научи, / как воспринимать и отвергать хорошее и плохое. / Если они не знают, что можно воспринять и что отвергнуть, / то будут подобны слепым, хотя и одарены разумом).

Э.-Х. Галшиев восхваляет людей добродетельных, обладающих благородным поведением. Например, он считает, что истинно благородный человек никогда не гордится, когда его хвалят, и не падает духом, услышав нарекания в свой адрес, всегда сохраняет свое достоинство, спокойствие, уравновешенность. То есть, *он подобен морю*:

Тобшолходо, багахан хайн, мууһаа

Баясаха, хилэннэхын дурэ узуулхые тэбшэ.

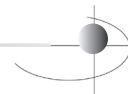
Оеорынь хэзээшье худэлдэгуй

Далай мэтэ ябагты

[4, с. 91]*.

(Короче говоря, воздерживайся выражать свои чувства радости и гнева / по поводу незначительного хорошего или плохого. / Будь подобен морю, / у которого никогда не волнуется дно).

Такой человек *подобен также земле*:

Магтаха, муушалха ямар уйлэ бологшье,
Худэлэн угы, хеморон угы дотороо уужам яба.
Һайн муу бухэниие
Ургэлэн тэсэдэг газар мэтэ ябаха мун
[4, с. 94]*.

(Хвалят ли тебя или осуждают, как бы о тебе ни отзывались, / действуй с глубокой душой, без волнений, без расстройства. / Держись подобно земле, с терпением выдерживающей на себе всё – и хорошее, и плохое).

Широкая душа человека сравнима с небом:

Бусадай зохидгуй угэ угуулбэшье,
Сономсоороо хааһан угэ бу хэлэ.
Һабаяа, һайн муу бугэдые багтааха огторгой мэтэ
Уужам болгон ябаха хэрэгтэй

[4, с. 106]*.

(Хотя другие и выскажут неприемлемые мысли, услышав их, / сразу не запрещай говорить. / Органам восприятия нужно прививать широту, / сравнимую с небом, вмещающим и доброе, и дурное).

По Галшиеву, *подавление собственного гнева подобно «победе над всеми врагами»:*

Дайсан бугэдын муунь болоһон
Оорын урин сэдхэлые дара.
Тэрэ хадаа дайсан бугэдые
Нэгэ муһэн дараһан мэтэ гэжэ мэргэд номнодог

[4, с. 160]*.

(Ставший худшим из врагов / собственный гнев надо подавлять. / Это подобно победе над всеми врагами / одним разом – так учат мудрые).

Весьма оригинальны сравнения, связанные с *правилом* очищения от грязи греха. Например, по речениям «*очищение от грязи греха*» напоминает «*запах одежды после её стирки в растворе лекарств*»:

Ном уйлэдэгшэ заримуудай зобохо узэгдэдэгээр
Буянай урэ угы гэжэ бу сэдхэ.
Хубсаһанда угаалай эмэй шэнгэнэн мэтэ
Хилэнсын хирын арилха еһон мун

[4, с. 132]*.

(Видя, как некоторые, наслаждающиеся святым учением, испытывают лишения, / не думай, что нет плода от благодеяния. / Таково уж правило очищения от грязи греха, / что напоминает острый запах одежды после её стирки в растворе лекарств).

Представляют особый интерес сравнения, связанные с «благодеянием и прегрешением», которые по речениям имеют и «глаза», и «уши»:

Эли бэшэ далдаһаа
Арга мэхээр бусадые хорлолгодо бу оролдо.
Буян, хилэнсэ оороо улэ дуурэхэ,
Нюдэ ба шэхэтэй мэтэ мун бэлэй

[4, с. 137]*.

(Не стремись / вредить другим тайно, с коварством. / Благодеяние и прегрешение не остаются в себе в тайне, / они будто обладают и глазами, и ушами).

Далее автор предупреждает, что человек без «друга добродетели», знающего «что принимать» и «что отвергать», может оказаться, как слепой:

Абаха, орхихые узуулэгшэ буянай саданиие
Мурэй нюдэбшэ мэтэ ургэлжэ шүтэ.
Газарша бологшо буянай саданиие
Эсэ шүтоо һаа, хутэлбэришэ угы һохор мэтэ болохо
[4, с. 141]*.

(Всегда почитай, как поводыря в пути, друга добродетели, / указывающего на принимаемое и отвергаемое. / Если не будешь почитать друга добродетели, / являющегося вожатым, / останешься, как слепой, без поводыря).

Восприятие поступков «указывающего путь друга добродетели» подобно почитанию сына отцу и матери:

Мурые узуулэгшэ буянай садан
Тэрэнэй номтой зохилдоһон зарлигые һайса бари.
Сэсэн хубуунэй эсэгэ, эхэдээ уйлэдэдэг мэтэ
Шүтэ гэжэ шадагша номноо

[4, с. 142]*.

(Тщательно воспринимай поступки указывающего путь друга добродетели, / которые согласуются с учением. / Буддой проповедано, что нужно почитать так, / как умный сын относится к своим отцу и матери).

По речениям *доброе дело подобно «капле воды, слившейся с морем»:*

Буянтай уйлэ хэзээ уйлэдэхын сагта
Тэрэниие дээдэ бодидо зорюула.
Уһанай дуһал далайда нииллэнэн мэтэ,
Тэрэ хэзээшье улэ барагдаха болоно

[4, с. 163]*.

(Какое бы время ни совершил добродетельное деяние, / направляй его ради достижения высшего бодисатвы, / Подобно капле воды, слившейся с морем, / твоё благодеяние никогда не убудет).

Следует подчеркнуть, что своё доброе дело надо суметь правильно направить «ради достижения высшего бодисатвы», а оно сравнивается всего лишь с «каплей воды, слившейся с морем». То есть, подобно маленькой капле воды, попавшей в большое море, твоё благое дело никогда не убудет.

В речениях, призывающих чтить Будду, Галшиев наставляет, что *чествование Будде-богу* надо делать каждый день, подобно тому, как не забываешь ежедневно заботиться о себе:

Удэр бури оорыгоо тахидаг мэтэ
Бурханда али шадахаараа тахил ургэ.
Энэ хойтын найн чугулгаан бугэдэшье
Ооһэдэо бутэхэ болохо мун

[4, с. 143]*.

(Делай по своим возможностям чувствовать Будде-богу подобно тому, как каждый день ухаживаешь за самим собою. / Даже накопление всего доброго для настоящего и будущего пойдет само по себе).

Э.-Х. Галшиев прославляет монахов, призывает уважительно относиться к ним, как к почитаемой драгоценности:

Хубараг хугшэн, залуу бухэндэ
Алинда али зохисотой хундэлэл уйлэд.
Сэрэгээр тугэлдэр ехэ хааншье
Оройдоо оройн шэмэг мэтэ ургэдэг гэшэ

[4, с. 151]*.

(Всем монахам – и молодым, и старым – / оказывай подходящий каждому из них почёт. / Даже обладающие сильной армией могущественные ханы / возносят их над головой, как почитаемую драгоценность).

Надо всегда помнить, что множество «проявлений данного мира» (плохое и хорошее, высокое и низкое) предстаёт в речениях как «иллюзия»:

Муноо юртэмсын узэгдэл бугэдыешье
Мунхэ буса эльбэ мэтэ бисалга.
Найн муу, ундэр набтар – эдэ бугэдэшье
Сэдьхэлэй эльбэшэнэй урлаһан мун

[4, с. 157]*.

(Размышляй о каждом проявлении данного мира, / как о невечной иллюзии. / Плохое и хорошее, высокое и низкое – всё это / искусное творение обманщика души).

Такое понятие, как счастье, в речениях рассматривается, с одной стороны, как мучение. Но то, что делается ради счастья, подобно «успокоению чесотки чесанием»:

Алиной тулада амья угэжэ шадамаар
Тэрэ амгаланиешье зоболон гэжэ бисалга.
Амгалан гэжэ баримталагадаг эд бугэдэшье,

Маажуур маажанан мэтэ гэжэ номнодог

[4, с. 157]*.

(Как мучение рассматривай даже счастье, / ради которого готов был отдать жизнь. / Проповедано, что все поступки, что совершают, считая счастьем, / подобны успокоению чесотки чесанием).

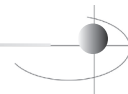
На наш взгляд, данное двойное сравнение: «счастье как мучение», а также «поступки, совершённые ради счастья, подобны успокоению чесотки чесанием» – имеет глубокий философский подтекст. Ведь недаром в народе говорят: «всё ходит рядом – и счастье, и беда». То есть в речениях присутствует мысль, что «все явления в мире находятся в тайной связи».

Заключение. Таким образом, сравнения по частоте употребления и разнообразию являются самым значимым образно-выразительным средством в назидательных речениях Э.-Х. Галшиева. Особенно типичны для текста памятника «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») сравнения, созданные путём поэтического приёма (метрического средства) – параллелизма. При этом заметим, что сила сравнения как бы удваивается при противопоставлении, усиливая назидательный характер стиха.

Приведённые примеры показывают, что в своих назидательных речениях Э.-Х. Галшиев использует разнообразную систему сравнений, основанную как на общемонгольских нейтральных сравнительных конструкциях, так и на разговорных, народно-поэтических типах сравнений. Для полного понимания своеобразной авторской образности необходима определённая подготовка, знакомство с народными (не только бурят-монгольскими, но и индо-тибетскими) поэтическими традициями, а также воззрениями монголоязычных народов на природу, семью, общество, духовный мир.

Список литературы

1. Александрова Э. С. Аллитерация и параллелизм в поэтических формулах памятника «Зерцало мудрости» Э.-Х. Галшиева // Молодая наука Забайкалья: аспирантский сборник. Чита: ЗабГПУ, 2012. С. 100–104.
2. Баранников А. П. Тулси Дас. Рамаяна. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 968 с.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Изд-во Советский писатель, 1940. 234 с.
4. Галшиев Эрдэни-Хайбзун. Зерцало мудрости, разъясняющее, принимаемое и отвергаемое и по двум законам. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2006. 183 с.
5. Дугаржапова Т. М. Поэтика Дондока Улзытуева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. 187 с.
6. Литературные связи Монголии 18–19 вв. М.: Рус. яз., 1981. 432 с.
7. Манъесю (Собрание мириад листьев): антология: в 3 т. Т. 1 / пер. с яп., вступ. ст. и коммент. А. Е. Глускиной. М.: Наука, 1971–1972. 219 с.
8. Толстой Л. Н. Литература, искусство: сб. ст., писем, отрывков из дневников. М.: Современник, 1978. 272 с.
9. Томашевский Б. В. Стилистика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 288 с.

10. Чичерин А. Идеи и стиль. М.: Советский писатель, 1968. 234 с.
 11. Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 346 с.

Статья поступила в редакцию 30.10.2016; принята к публикации 10.04.2017

Библиографическое описание статьи

Дугаржапова Т. М., Александрова Э. С. Функции сравнений в художественном тексте (на материале текста памятника «Бэлигэй толи» («Зерцало мудрости») Э.-Х. Галшиева) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 5. С. 122–130. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-122-130.

Tatiana M. Dygarzhapova¹,

Doctor of Philology,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: tatiyanamaksarovna@yandex.ru

Erzhena S. Aleksandrova²,

Postgraduate,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: tatiyanamaksarovna@yandex.ru

Functional Value of Similes in a Literary Text (Based on the Study of E.-Kh. Galshiev's "Beligei Toli" or "The Mirror of Wisdom")

The research is aimed at revealing main literary and artistic specificities of the pre-revolutionary Buryat literature and the analysis of various aspects of using certain concepts and images in E.-Kh. Galshiev's moral guidelines. The research is viewed as urgent due to the lack of profound studies devoted to the literary legacy of E.-Kh. Galshiev, the importance of analyzing traditional ethic and didactic writing. This work is the first attempt to analyze similes, which by their frequency and variety are the most significant expressive means used by E.-Kh. Galshiev in his guidelines. The small, young, mature and old years of a person are compared to seasons. Such symbolism is traditional for poetry written by the Mongolian speaking authors. Galshiev in his turn managed to reveal the man's nature through zoomorphic symbolism which was new and original. To reveal bravery and power, strength and courage, the author uses the images of an elephant and that of a lion. In the meanwhile, birds in his poetry signify cowardice, greediness and insincerity. As is clarified, most typical similes in the text of "Beligei Toli" (*The Mirror of Wisdom*) are created by means of parallelism. It was also revealed that the achieved effect of similes is doubled by contrast, and so is the moral appeal of the poem.

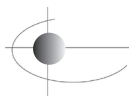
Keywords: moral appeal of the poem, expressive means, concepts and images, a symbol, folk and poetic similes, comparative constructions, poetic techniques, metric parallelism as a metric means, philosophical understatement

References

1. Aleksandrova E. S. Alliteratsiya i parallelizm v poeticheskikh formulakh pamyatnika «Zertsalo mudrosti» E.-Kh. Galshieva // *Molodaya nauka Zabaikal'ya: aspirantskii sbornik*. Chita: ZabGPU, 2012. S. 100–104.
2. Barannikov A. P. *Tulsi Das. Ramayana*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 968 s.
3. Veselovskii A. N. *Istoricheskaya poetika*. L.: Izd-vo Sovetskii pisatel', 1940. 234 s.
4. Galshiev Erdeni-Khaibzun. *Zertsalo mudrosti, raz'yasnyayushchee, prinimaemoe i otvergaemoe i po dvum zakonam*. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 2006. 183 s.
5. Dugarzhapova T. M. *Poetika Dondoka Ulzytueva*. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 2001. 187 s.
6. *Literaturnye svyazi Mongolii 18–19 vv.* M.: Rus. yaz., 1981. 432 s.
7. *Man'esyu (Sobranie miriad list'ev): antologiya: v 3 t. T. 1 / per. s yap., vstup. st. i komment.* A. E. Gluskinoi. M.: Nauka, 1971–1972. 219 s.
8. Tolstoi L. N. *Literatura, iskusstvo: sb. st., pisem, otryvkov iz dnevnikov*. M.: Sovremennik, 1978. 272 s.
9. Tomashevskii B. V. *Stilistika*. L.: Izd-vo LGU, 1983. 288 s.
10. Chicherin A. *Idei i stil'*. M.: Sovetskii pisatel', 1968. 234 s.

¹ T. M. Dugarzhapova – the design of the article.

² E. S. Aleksandrova, principal author – collection and analysis of the material.

11. Shagdarov L. D. Funktsional'no-stilisticheskaya differentsiatsiya buryatskogo literaturnogo yazyka. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1974. 346 s.

Received: October 30, 2016; accepted for publication April 10, 2017

Reference to the article

Dygarzhapova T. M., Aleksandrova E. S. Functional Value of Similes in a Literary Text (Based on the Study of E.-Kh. Galshiev's "Beligei Toli" or "The Mirror of Wisdom") // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 5. PP. 122–130. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-122-130.
